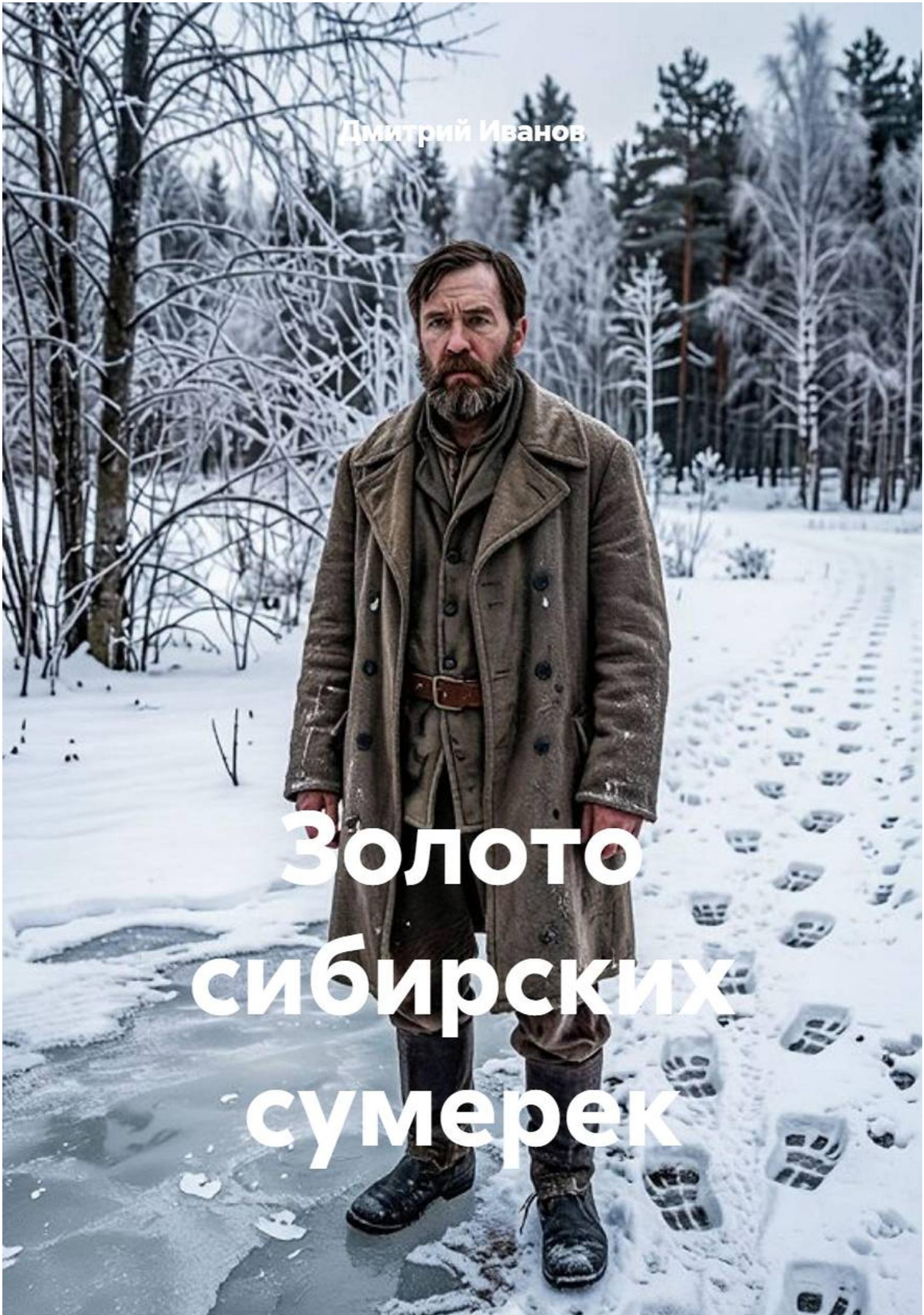

Дмитрий Иванов

Золото сибирских сумерек

Дмитрий Иванов

Золото сибирских сумерек

«Автор»
2026

Иванов Д.

Золото сибирских сумерек / Д. Иванов — «Автор», 2026

Сибирь конца XIX века — край суровых морозов и еще более суровых людей. Когда на прииске «Золотой ключ» происходит дерзкое ограбление, заставляющее содрогнуться даже бывалых старателей, след ведет в глухую тайгу. Группа налетчиков исчезла, не оставив за собой ничего, кроме пустого хранилища и ощущения неминуемой бури. В дело вступает следователь из Петербурга, чей рациональный ум сталкивается с хаосом дикого края и странными, почти мистическими слухами.Это не просто погоня за наживой, а запутанная игра теней, где каждый встречный может оказаться либо жертвой, либо соучастником. Героям предстоит пройти через заснеженные перевалы и заброшенные деревни, чтобы понять: золото — лишь приманка. В этой истории тепло человеческого сочувствия пробивается сквозь лед предательства, заставляя задуматься о том, что на самом деле имеет ценность в мире, где закон часто бессилен перед жадностью и старыми обидами.

© Иванов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустое хранилище 5
Глава 2. Следы в снегу 8
Глава 3. Шепот таежных троп 12
Глава 4. Старый прииск 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дмитрий Иванов
Золото сибирских сумерек

Глава 1. Пустое хранилище

Стук колес по промерзшей колее отдавался в зубах, а холодный сибирский воздух, казалось, прошивал насквозь даже плотную шинель. Арсений Верещагин поправил воротник и прикрыл глаза, когда повозка в очередной раз подскочила на глубокой колее. За окном проплывали серые, обветренные стволы лиственниц, похожие на застывших великанов, засыпанных пеплом.

— Еще версты, ваше благородие, — проскрипел возница, не оборачиваясь. — Прииск «Золотой ключ» за тем поворотом. Только не ждите там тепла. Места здесь такие... не гостеприимные.

Верещагин ничего не ответил. Он привык к тому, что люди воспринимают его присутствие как некую досадную неизбежность. Петербургский следователь с безупречно выглаженными воротничками и манерами, которые здесь, среди вечной мерзлоты и запаха кедровой смолы, казались чем-то инородным, почти смешным. Но именно этот «инородный элемент» и был нужен министерству: когда в глуши происходят вещи, не вписывающиеся в привычную логику промысла, посылают человека, привыкшего искать порядок там, где царит хаос.

Когда повозка остановилась, Верещагин первым делом ощутил запах. Это был не просто запах хвои или навоза. Это был тяжелый, спертый дух тревоги, смешанный с ароматом дешевого табака и застоявшегося пота.

Прииск встретил его сумерками. Массивные бревенчатые постройки, обнесенные частоколом, выглядели неприветливо. Несколько человек в тяжелых тулупах стояли у ворот, и при виде приехавшего они не склонили голов, а лишь настороженно переглянулись. Один из них, мужчина с лицом, изрытым морщинами, как кора старого дуба, вышел вперед.

— Приехали все-таки, — буркнул он, сплевывая под ноги. — Чиновник из столицы. Думаете, мы тут в игры играем?

— Я приехал разобраться, — спокойно ответил Верещагин, выходя из повозки и стараясь не обращать внимания на ледяной ветер, тут же вцепившийся в лицо. — Меня зовут Арсений Верещагин. Где управляющий?

— Управляющий в конторе, — хмуро отозвался мужик. — Пойдемте. Только обувь подождите, тут у нас везде... не по порядку.

Верещагин шел по двору прииска, стараясь сохранять достоинство, несмотря на то что его сапоги то и дело вязли в перемешанной с грязью снежной каше. Он заметил, что на прииске царит странная, натянутая тишина. Не было привычного гомона старателей, не слышалось звона лопат или команд надсмотрщиков. Только завывание ветра в трубах и тяжелое дыхание людей, которые, казалось, боялись лишний раз шелохнуться.

Их привели к главному зданию — массивному строению из мореного лиственничного бревна. Внутри было душно. В комнате, служившей кабинетом и конторой, пахло старой бумагой и воском. За столом, сгорбившись, сидел человек с пепельными волосами и глазами, в которых застыла бесконечная усталость.

— Господин Верещагин? — он поднялся, едва не опрокинув чернильницу. — Я — помощник управляющего. Простите, управляющий... он, скажем так, временно не в состоянии принимать посетителей. Сердце.

— Я здесь не для визитов вежливости, — Верещагин положил на стол кожаный портфель. — Мне сказали, на «Золотом ключе» произошло ограбление. Покажите мне хранилище.

Помощник замялся, но спорить не решился. Он повел следователя по длинному коридору, мимо запертых дверей, за которыми слышался приглушенный шепот. Верещагин отмечал про себя: люди здесь не просто напуганы, они озлоблены. И эта злость была направлена не на грабителей, а на само происходящее.

Хранилище располагалось в цокольном этаже, под основным зданием. Спускаясь по крутой деревянной лестнице, Верещагин почувствовал, как температура падает. Здесь, внизу, стены были сложены из массивных каменных блоков, а дверь — тяжелая, обитая железом — была выбита не просто силой, а каким-то расчетливым, методичным ударом.

Когда они вошли внутрь, Верещагин замер.

Сначала он увидел пустоту. Огромная комната, которая должна была дышать богатством, была пуста. Сейфы, обычно набитые золотой крупой и слитками, стояли распахнутыми, словно пасти раненых зверей. Деревянные ящики были разворочены, содержимое рассыпано по полу, но странно — не было ощущения хаоса. Не было следов бессмысленного грабежа, когда имущество разбрасывают в поисках ценностей. Здесь все было сделано чисто.

— Они зашли через заднюю стенку, — тихо сказал помощник, указывая на узкий проход, пробитый в кладке. — Но это не просто пролом. Они знали, где именно проходит граница фундамента.

Верещагин подошел ближе. Он опустился на колени, не заботясь о том, что его светлые брюки пачкаются в пыли и каменной крошке. Его взгляд, привыкший к анализу мельчайших деталей на местах преступлений в Петербурге, теперь сканировал каждый сантиметр.

— Взрыв? — спросил он, указывая на края пролома.

— Нет, — покачал головой помощник. — Никакого грохота. Мы утром обнаружили, что стена... просто исчезла. Как будто ее аккуратно вырезали.

Верещагин присмотрелся к краям пролома. Срез был удивительно ровным. Никаких следов использования тяжелых кувалд или грубых инструментов. Это была работа мастеров. Люди, которые не просто хотели забрать золото, а которые знали, как сделать это с хирургической точностью.

Он поднялся и начал обходить комнату по периметру. Его внимание привлек небольшой участок пола возле одного из пустых сейфов. Там, среди каменной пыли и обломков, что-то тускло блеснуло.

Верещагин наклонился и взял предмет двумя пальцами. Это был обрывок ткани. Грубая, плотная шерсть темно-серого цвета, характерная для армейского сукна. Но что было важнее — край ткани был не просто оторван, он был зацеплен за острый выступ металлического уголка сейфа.

Следователь поднес обрывок к глазам. Ткань была старой, местами потертой, но на ней отчетливо виднелась едва заметная вышивка — инициалы, почти стертые временем.

— Вы что-то нашли? — голос помощника дрогнул.

— Похоже на то, — Верещагин спрятал обрывок в карман. — Скажите, сколько людей в карауле было в ночь налета?

— Пятеро. Опытные ребята, старатели со стажем.

— И все они... — Верещагин сделал паузу, подбирая слова, — ничего не слышали? Ни взрыва, ни скрежета, ни топота коней?

Помощник отвел взгляд.

— В ту ночь был сильный ветер, господин следователь. И метель. А еще... — он понизил голос до шепота, — говорят, в лесу видели странные огни. Словно души умерших бродяг шастают.

Верещагин поморщился. Мистические суевесия были последним, что ему требовалось для успешного расследования. Ему нужна была логика. Ему нужны были факты.

— Расскажите мне о карауле, — потребовал он. — Кто стоял на посту? Были ли среди них новички? И самое главное — кто имел доступ к ключам от запасных входов?

Пока помощник лепетал что-то о том, что «все были свои», Верещагин снова вернулся к пролому в стене. Он присел у самого края, заглядывая в темноту образовавшейся дыры. Там, в глубине, за пределами каменной кладки, начиналась земля.

Его взгляд зацепился за нечто еще. На самом краю пролома, в слое свежего инея, который успел осесть на камнях, виднелся след. Это не был след сапога. Это была тонкая, почти незаметная борозда, словно кто-то волочил по земле тяжелый, узкий предмет.

Верещагин почувствовал, как внутри него начинает просыпаться тот самый азарт, который он так старательно подавлял в душных кабинетах Петербурга. Это не было обычное ограбление. Обычные разбойники оставляют за собой грязь, крики и кровь. Здесь же осталась лишь стерильная, пугающая пустота.

— Знаете, — произнес он, не оборачиваясь к помощнику, — я приехал сюда, думая, что буду искать воров. Но, кажется, я буду искать призраков.

Он поднялся, чувствуя, как холод подвального помещения пробирается под одежду. Ему нужно было увидеть место, откуда они ушли. Ему нужно было увидеть снег.

Когда они вышли из хранилища и поднялись на поверхность, сумерки уже окончательно поглотили прииск. Ветер стал еще злее, он хлестал по лицу, пытаясь заставить уйти, спрятаться в тепле. Верещагин посмотрел на темную стену тайги, которая окружала прииск со всех сторон.

Там, в глубине леса, скрывались те, кто обладал не только силой, но и знанием, которое делало их почти неуязвимыми. Они не просто украли золото. Они словно вырезали кусок из самой реальности этого места.

— Господин Верещагин! — крикнул кто-то из рабочих, указывая на дорогу, ведущую к лесу. — Там, у кромки! Опять те огни!

Верещагин прищурился. Среди черных стволов, там, где начиналась непроглядная чаща, действительно мелькнуло нечто тусклое, желтоватое. Это не был свет костра — слишком ровный, слишком призрачный. Он вспыхнул и тут же погас, оставив после себя лишь чувство липкого, необъяснимого страха.

Следователь коснулся пальцами обрывка шинели в кармане. Армейская форма. Профессионализм. И знание тайных троп.

«Это не просто грабеж, — подумал он, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Это возвращение долга».

Он еще не знал, чьих именно долгов, но понимал одно: тишина, царившая на прииске, была лишь затишьем перед бурей, которая сотрет в порошок и этот прииск, и его собственную упорядоченную жизнь.

— Приготовьте лошадей, — твердо сказал он помощнику, который стоял рядом, дрожа от холода и страха. — Завтра на рассвете мы выйдем на след.

— Куда, господин следователь? В лес? Туда никто не ходит в такую пору! Там смерть!

Верещагин посмотрел на темную полосу тайги, где только что исчез странный огонь.

— Именно туда, где смерть прячет свои следы.

Глава 2. Следы в снегу

Снег под сапогами Верещагина не просто хрустел — он стонал, словно живое существо, которому причиняли боль. Утро на прииске «Золотой ключ» выдалось колючим, пронзительным. Солнце, бледное и холодное, как застывшее масло, едва пробивалось сквозь пелену низких облаков, не давая тепла, а лишь обнажая суровую правду занесенных ветром колей.

Арсений поправил воротник своего тяжелого пальто, которое казалось здесь, среди грубых тулупов и пропахших мазутом и табаком рубах, чем-то инородным, почти комичным. Он чувствовал себя петербургским павлином, случайно занесенным в логово к медведям. Но взгляд его оставался сухим и цепким.

— Здесь, — негромко произнес он, останавливаясь у края занесенной тропы, ведущей к восточному склону.

Его помощник, молодой чиновник из канцелярии, судорожно втянул голову в плечи. — Господин следователь, там же ничего не видно. Только снег да сосны. Мы по кругу ходим с самого рассвета.

Верещагин не ответил. Он опустился на одно колено, игнорируя то, как холод мгновенно просочился сквозь сукно брюк. Он достал из кармана чистый платок и осторожно, почти благоговейно, коснулся края глубокой борозды.

— Вы смотрите глазами, молодой человек, — не оборачиваясь, сказал Арсений. — А нужно смотреть умом. Видите этот наклон? Снег не просто прибит ветром. Он придавлен весом, который двигался не по прямой, а короткими, рваными рывками. Словно люди не просто шли, а замирали на каждом шагу.

— Но это же просто следы... — начал было помощник, но осекся, когда из-за ближайшего ельника вышла фигура.

Она не шла — она плыла по глубокому снегу, почти не меняя ритма дыхания, словно это была привычная прогулка по саду, а не тяжелый переход по сугробам. На ней была подбитая мехом куртка, отороченная грубой тканью, и высокие сапоги, которые, казалось, сами знали, куда наступать. Лицо, обрамленное темными волосами, выбившимися из-под меховой шапки, было спокойным и сосредоточенным. В руках она держала длинный шест, которым ловко проверяла плотность снежного покрова.

— Это не следы, господин следователь, — голос женщины был невысоким, но в нем чувствовалась сталь, закаленная в сибирских морозах. — Это знаки.

Верещагин поднялся, отряхивая колени. Он не привык к тому, чтобы женщины в этих краях говорили с ним столь бесцеремонно, но в ее взгляде не было ни вызова, ни кокетства. Только холодная, деловая оценка.

— Вы, должно быть, Евдокия Кольцова? — спросил он, слегка склонив голову в вежливом, но едва уловимом приветствии.

— Дочь охотника, — коротко ответила она, подходя ближе. Ее глаза, цвета крепкого чая, внимательно изучали лицо Верещагина. — Слышала, из самого Петербурга прислали. Думали, пришлют писаря с чернильницей, а прислали человека в шелковом галстуке.

Помощник Верещагина издал какой-то невнятный звук, похожий на икоту, и поспешно отступил. Арсений лишь слегка улыбнулся — одними уголками губ.

— Шелковый галстук не поможет мне найти людей, которые растворились в воздухе, Евдокия. А вот ваши глаза, как мне говорят, видят то, что упускают даже ищейки.

Кольцова не стала тратить время на любезности. Она опустилась рядом с ним, и Верещагин заметил, как она склонилась над следами. Она не просто смотрела — она принюхивалась, ощупывала снег кончиком шеста, изучала направление наклона веток ближайших кустарников.

— Они шли не к перевалу, — сказала она через минуту. — Все думают, что они рванули через «Волчий зуб», чтобы уйти к реке. Но это ловушка для глупых. Там сейчас снежные надувы, лошадь там ляжет через версту.

— И куда же они направились? — Арсений затаил дыхание.

— В сторону Старой заводи. Там лес гуще, и тени длиннее. Но самое странное не это.

Она указала на едва заметную полосу, почти стертую ветром. — Посмотрите на глубину отпечатка. Здесь, у опушки, они идут тяжело. Словно несут мешки. А вот здесь... — она провела пальцем по следу, — след становится легче. Они не бросили золото. Они его распределили. И они не бежали. Они шли размеренно. Так идет человек, который точно знает, что за ним никто не пойдет.

Верещагин нахмурился. — Вы хотите сказать, что они не скрывались?

— Я хочу сказать, что они чувствовали себя в безопасности, — отрезала Евдокия. — А в лесу чувствовать себя в безопасности можно только в двух случаях: если ты здесь хозяин или если ты знаешь, что за тобой никто не придет.

— Второе — более вероятный вариант для банды, — заметил следователь. — Но как они могли знать, что за ними не придут? Караул на прииске был усилен.

Евдокия поднялась, ее лицо в свете холодного солнца стало похожим на маску. — Вот это и самое интересное, господин следователь. Ваши караульные... они ведь меняются по часам, верно?

Верещагин замер. Он еще не успел изучить журналы дежурств, но логика подсказывала, что на таком объекте, как «Золотой ключ», смена происходит строго, чтобы не давать бдительности притупиться.

— Каждые четыре часа, — ответил он. — С полуночи, в четыре, в восемь и в двенадцать.

— Именно, — Евдокия кивнула на след, который обрывался у старой, поваленной ели. — Взгляните. Этот след... он обрывается ровно в то время, когда караул должен был совершить обход северного сектора. Но обход не был совершен. На границе леса нет следов того, что кто-то преследовал их. Никаких следов борьбы, никаких оброненных вещей, кроме того лоскута, что вы нашли вчера.

Она сделала паузу, и Верещагину показалось, что даже ветер затих, прислушиваясь к ее словам.

— Они не просто налетчики, — тихо продолжила она. — Они знали, в какую секунду замолчат собаки. Они знали, в какую минуту смотритель отвернется к огню, чтобы подбросить дров. Они действовали не как воры, а как часть этого прииска. Словно они знали ритм его сердца.

Верещагин почувствовал, как внутри него, где-то под ребрами, заворочалось неприятное, липкое чувство. Это не было страхом — скорее, это было интеллектуальное беспокойство. Все, что он строил в своей голове — образ разрозненной группы дерзких преступников, — начало рассыпаться, как сухой снег под сапогом.

— Вы намекаете на соучастие, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — На то, что среди персонала был предатель?

— Я намекаю на то, что они не пробивались сквозь оборону, — Евдокия посмотрела ему прямо в глаза. — Они прошли сквозь открытую дверь.

— Если это так, — Верещагин медленно поднялся, — то мы имеем дело не с бандой, а с организованной группировкой, имеющей доступ к внутренней информации. Это меняет масштаб дела. Теперь это не просто кража золота. Это государственное преступление, если за этим стоит кто-то из администрации.

— Или что-то похуже, — добавила она. — В этих краях люди часто подчиняются не закону, а старым долгам.

Они замолчали, глядя на темную, непроницаемую стену леса. Там, в тени вековых кедров, скрывалось нечто, что не укладывалось в сухую логику петербургских отчетов.

— Нам нужно найти их стоянку, — сказал Верещагин, поворачиваясь к помощнику, который все это время стоял, открыв рот. — И мне нужна ваша помощь, Евдокия. Без вашего чутья я буду как слепой котенок в метели.

— Я помогу, — она коротко кивнула. — Но предупреждаю сразу: в лесу нет правил. И если вы будете пытаться вести себя здесь как чиновник, тайга вас проглотит и не поперхнется. Здесь ценятся не звания, а умение молчать и вовремя уходить с линии огня.

— Я умею молчать, когда это необходимо, — ответил Арсений, хотя сам понимал, что его привычный мир — мир правил, протоколов и понятных причинно-следственных связей — только что дал первую трещину.

Они двинулись в сторону Старой заводи. Верещагин шел, стараясь подражать походке Евдокии, но его движения оставались слишком четкими, слишком церемонными. Он чувствовал на себе взгляды рабочих, которые провожали их тяжелыми, подозрительными глазами. В этих взглядах не было сочувствия — только глухое раздражение и страх, смешанный с чем-то еще, что он не мог определить.

Когда они отошли от прииска на пару верст, шум работы, крики рабочих и лязг железа начали затихать, сменяясь звенящей, давящей тишиной леса. Здесь, среди заснеженных гигантов, время словно замедлилось.

— Скажите, — нарушила тишину Евдокия, не оборачиваясь, — вы ведь ищете не только золото, верно?

Верещагин едва заметно вздрогнул. — Я ищу справедливости.

— Справедливость — это слово для судов, — она остановилась и повернулась к нему. — А здесь есть только правда. И иногда правда бывает такой горькой, что ее лучше не глотать.

Она указала на склон, где снег был странно ровным, словно кто-то намеренно загладил его после прохода. — Видите? Там, за тем выступом. Это не природное образование. Это след от того, что кто-то пытался скрыть убежище.

Верещагин присмотрелся. Действительно, под слоем снега угадывались очертания чего-то рукотворного — возможно, заброшенного охотничьего зимовья или старого склада.

— Мы приближаемся, — прошептала она, и в ее голосе впервые проскользнуло напряжение. — Но будьте осторожны, господин следователь. В таких местах тени имеют привычку оживать.

Они начали подъем. Снег становился всё глубже, а лес — всё теснее. В какой-то момент Верещагин заметил, что птицы в лесу замолкли. Наступила та особенная, мертвая тишина, которая предшествует либо буре, либо нападению.

Вдруг Евдокия резко вскинула руку, приказывая остановиться. Она присела, почти сливаясь с белым покровом. Верещагин замер, стараясь не дышать.

— Что там? — одними губами спросил он.

Она не ответила, лишь указала взглядом на ветку сосны прямо перед ними. На ней, среди инея, висел крошечный, почти незаметный клочок ткани. Не армейская шинель, которую он нашел вчера. Это был кусок дорогого, темного бархата, явно не предназначенный для сибирских лесов.

Верещагин почувствовал, как холод пробежал по его спине. Бархат. Этот предмет не принадлежал ни налетчику, ни охотнику, ни рабочему прииска. Он принадлежал кому-то, кто привык к роскоши петербургских салонов.

«Значит, они не просто знают расписание караулов, — пронеслось в голове у Арсения. — Они принадлежат к тому же миру, что и я».

Он посмотрел на Евдокию. Она смотрела на него, и в ее глазах он увидел не просто предупреждение, а немой вопрос: готов ли он узнать, что этот след ведет не к золоту, а к самой бездне?

Прежде чем он успел ответить, из глубины леса, со стороны заброшенного зимовья, донесся звук. Это не был крик или выстрел. Это был тихий, едва различимый звук металла, ударившего о металл. Словно кто-то точил нож. Или проверял остроту клинка.

Звук повторился. Ритмично. Угрожающе.

— Они здесь, — едва слышно произнесла Евдокия, и ее рука непроизвольно легла на рукоять ножа на поясе. — И они знают, что мы здесь.

Верещагин сжал пальцами карман, где лежал обрывок шинели. Он понял, что их преследование превратилось в охоту, где охотники и жертвы поменялись местами в тот самый миг, когда они ступили под сень этих черных деревьев. И самое страшное было в том, что он не знал, кто из них на самом деле держит нож.

Глава 3. Шепот таежных троп

Снег под полозьями саней скрипел так, словно сама земля протестовала против их движения. Этот звук — сухой, надсадный — проникал под шинель, казалось, просачивался сквозь кости. Арсений Верещагин плотнее закутался в воротник, чувствуя, как ледяной воздух обжигает легкие при каждом вдохе.

— Не отставайте, — голос Евдокии прозвучал глухо из-под мехового капюшона. — Если задержимся на перевале, к вечеру нас занесет так, что и костер не разведешь.

Она ехала впереди, уверенно направляя коня по едва заметной колее, пробитой сквозь сугробы. Верещагин смотрел на ее прямую спину и на то, как она почти сливается с серым пейзажем тайги. Она не шла по тропе — она чувствовала ее.

Тайга вокруг них не была просто лесом. Она казалась живым, притаившимся существом, которое наблюдало за ними из-за черных стволов кедров. Каждая ветка, облепленная инеем, напоминала костлявую руку, а густые тени между деревьями — затаившихся зверей. Или людей.

— Вы слишком напряжены, Арсений Николаевич, — не оборачиваясь, бросила Евдокия. — Слышу, как у вас мысли в голове бьются, будто птица в клетке.

— Трудно расслабиться, когда в кармане лежит кусок бархата, а в лесу слышатся звуки точильного камня, — отозвался он, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— В тайге звуки обманчивы, — она резко повернула голову, и ее глаза, темные и внимательные, встретились с его взглядом. — Ветер в пустых дуплах, лед трещит на реке за три версты... Но если звук ритмичный, как вы сказали, значит, это действительно металл. И значит, те, кто его точит, не спешат. Они ждут.

Они миновали густой ельник и вышли к опушке, где виднелись крыши нескольких изб. Это было поселение у отшиба, затерянное между прииском и глубокой чащей. Дым из труб поднимался тонкими, изломанными струями, не способными пробить плотный слой морозного марева.

Когда сани приблизились к первой избе, дверь скрипнула, и на порог вышел человек в рваной овчинной тулупе. Его лицо, изборожденное морщинами, напоминало кору старого дуба. Он не подошел к ним. Он просто стоял, прищурившись, и держал в руках тяжелую палку.

— Пришли за золотом? — голос старика был хриплым, как шорох сухой листвы.

— Мы по делу, — Верещагин постарался придать голосу ту уверенность, которая обычно помогала ему в петербургских кабинетах. — Следствие по делу о нападении на «Золотой ключ».

Мужик сплюнул под ноги, и сгусток темной слюны мгновенно застыл на снегу.

— Следствие... — повторил он с едва уловимой усмешкой. — Следствие здесь — это только волки да мороз. И то не всегда помогают. Уходите, господин чиновник. Не ищите того, что тайга сама спрятала.

— Мы не ищем золото, — вмешалась Евдокия, придерживая коня. — Мы ищем людей.

— Люди здесь у каждого свои, — отрезал мужик. — Одни золото ищут, другие — как бы его не потерять. Идите своей дорогой, Дуня. Тебе лучше знать, что здесь не говорят лишнего.

Он закрыл дверь, и тишина, воцарившаяся после этого, показалась Верещагину тяжелее снегопада. Он почувствовал, как внутри закипает раздражение, смешанное с горьким осознанием: он здесь чужак. Не просто гость, а инородное тело, которое эта земля пытается вытолкнуть.

— Не берите в голову, — тихо сказала Евдокия, когда они двинулись дальше. — Они боятся. Не вас, не следствие. Они боятся, что если вы начнете копать, то докопаетесь до того, что прикрыто старыми долгами и старыми грехами.

— Вы говорите так, будто это не ограбление, а священная война, — заметил Верещагин.

— А разве может быть иначе? — Она на мгновение придержала коня, и ее лицо стало пугающе серьезным. — Вы видели, как они действовали на прииске? Никакой суеты. Никакого лишнего шума. Они зашли, забрали то, что считали своим, и ушли. Налетчики, которые грабят ради наживы, всегда оставляют после себя хаос. А здесь... здесь была хирургическая точность.

Верещагин вспомнил пустую комнату хранилища. Чистые линии, отсутствие борьбы, ни одной разбитой чашки, ни одного лишнего следа. Это не было похоже на набег разбойников. Это было похоже на возврат долга.

— Вы думаете, Громов — не просто вор? — спросил он.

— Я думаю, что Громов — это человек, у которого отняли всё, кроме его чести и его мести, — она снова потянула поводья. — И если он решил вернуть свое, он не остановится, пока не вырвет это из рук тех, кто держит прииск.

Они углубились в лес. Путь становился все труднее. Снег стал выше, а тропа — уже. Верещагин чувствовал, как холод пробирается под одежду, как немеют ступни. Но больше всего его беспокоили мысли. Он пытался выстроить логическую цепочку: налетчики — профессионалы — знание графика охраны — отсутствие лишней жестокости — цель не только золото.

В какой-то момент Евдокия резко остановилась.

— Тихо, — скомандовала она.

Верещагин замер, едва не вывалившись из саней. Он затаил дыхание, вслушиваясь в лесную тишину. Сначала казалось, что вокруг ничего нет, кроме свиста ветра в верхушках сосен. Но затем он уловил это.

Тонкий, едва различимый запах. Не хвои, не снега, не дыма. Запах жженого масла и чего-то металлического.

— Здесь? — шепотом спросил он.

— Здесь, — Евдокия спрыгнула с саней, ее движения были бесшумными, как у кошки. — След. Свежий.

Она опустилась на колени у края тропы. Верещагин подошел ближе, стараясь не наступать на примятый снег. Евдокия указала на едва заметное углубление.

— Это не просто след от сапога. Посмотрите на глубину. Человек весил немало, и шел он тяжело, будто тащил что-то за собой. И посмотрите на этот след...

Она указала на небольшое пятно, которое почти полностью занесло снегом.

— Кровь? — Верещагин присмотрелся. — Похоже на то. Но она не алая. Она темная, почти черная.

— Замерзшая, — констатировала она. — И ее здесь не одна.

Верещагин огляделся. Лес вокруг них внезапно стал казаться более тесным. Деревья словно смыкались, образуя живой коридор. Он почувствовал, как липкий страх, который он старательно подавлял все утро, начинает медленно подниматься из глубины живота.

— Нам нужно идти быстрее, — сказала Евдокия, поднимаясь. — Мы на их пути. И если они заметили нас раньше, чем мы их, то мы уже не охотники.

Они продолжили путь, но теперь каждое движение было пропитано напряжением. Верещагагин ловил себя на том, что постоянно оборачивается. Ему казалось, что за каждым стволом, за каждым завалом из упавших деревьев кто-то стоит. Не человек, а тень, которая лишь на мгновение мелькает в периферийном зрении и исчезает, стоит только повернуть голову.

К полудню небо окончательно затянуло свинцовыми тучами. Свет стал серым, безжизненным.

— Мы почти у цели, — сказала Евдокия, хотя в ее голосе не было уверенности. — Впереди старая просека. Если они хотели уйти вглубь, они пойдут через нее. Она ведет к заброшенным рудникам.

— Заброшенным рудникам? — переспросил Верещагин. — Там же нет ни жилья, ни припасов. Зачем им туда?

— Чтобы исчезнуть. Там можно затеряться в лабиринтах шахт, — она на мгновение замолчала, а затем добавила тише: — Или чтобы встретить смерть в одиночестве.

Верещагин вспомнил слова старого приискщика Саввы, которые он пытался осмыслить в дороге. Тот говорил не о золоте, а о «несправедливости, которая вросла в землю».

«Они не грабят прииск, — вдруг осенило его. — Они вырывают старую рану».

Он представил себе Громова — бывшего офицера, человека, привыкшего к дисциплине и порядку, который теперь вынужден скрываться в лесах, превратившись в призрака. Что могло заставить человека такого склада пойти на такой риск? Какая тайна могла быть ценнее жизни?

Когда они вышли на просеку, впереди показались очертания полуразрушенного строения. Это был старый охотничий домик, наполовину вросший в землю, с провалившейся крышей и почерневшими от времени бревнами.

— Там, — Евдокия указала вперед. — Видите дым?

Верещагин присмотрелся. Сквозь щели в крыше поднималась едва заметная струйка дыма. Это не был уютный дымок от домашнего очага. Дым был густым, тяжелым, пахнущим хвоей и... гарью.

— Они здесь, — прошептал он.

— Не подходите близко, — Евдокия схватила его за рукав, когда он сделал шаг вперед. — Сначала осмотримся.

Они начали обходить домик по дуге, прижимаясь к стволам деревьев. Верещагин чувствовал, как сердце колотит в ребра, словно пойманная птица. Каждый шаг по хрустящему снегу казался ему громоподобным.

Когда они оказались сбоку от хижины, он увидел окно. Оно было забито досками, но между ними виднелся слабый свет. И еще — он увидел то, что заставило его похолодеть.

На снегу, прямо у порога, лежала забытая вещь. Это была перчатка. И не простая рабочая рукавица, а изящная, тонкой выделки, явно не предназначенная для жизни в тайге.

Верещагану стало не по себе. Этот предмет был слишком неуместен здесь, в этой дикой глуши, среди обломков старой жизни. Он напомнил ему тот самый обрывок бархата из хранилища.

— Арсений, — голос Евдокии был едва слышен. — Смотрите.

Она указывала на землю у самой стены дома. Там, в тени бревен, виднелись следы множества ног. Но это не были следы людей. Это были следы лошадей, и они вели не к дому, а кругами вокруг него, словно кто-то пытался скрыть направление движения.

В этот момент изнутри дома донесся резкий звук. Глухой удар, а затем — приглушенный мужской голос.

— ...нельзя просто так оставить их здесь. Если они узнают, что мы вернули это, прииск сожгут до основания.

— Они и так сожгут, — ответил другой голос, более низкий, с едва уловимым стальным оттенком. — Пусть горят. Мы заберем то, что принадлежит нам по праву.

Верещагин почувствовал, как по спине пробежал холод. Это не был разговор о золоте. Это был разговор о чем-то, что имело гораздо больший вес.

Он хотел было сделать шаг к окну, чтобы услышать больше, но Евдокия резко дернула его назад. Ее лицо было бледным, а глаза расширены от ужаса.

— Не надо, — прошептала она. — Они не одни.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, пытаясь сохранить рассудок.

Она указала в сторону густых зарослей можжевельника, окружавших дом. Там, в полумраке, он увидел движение. Несколько теней, неподвижных и беззвучных, замерли среди вет-

вей. Они не прятались — они ждали. Как хищники, которые знают, что добыча уже попала в капкан.

Верещагин медленно потянулся к кобуре, но рука Евдокии накрыла его ладонь.

— Если вы выстрелите, — сказала она, и ее голос дрожал от напряжения, — мы не выйдем отсюда живыми. Они не просто налетчики, Арсений Николаевич. Они — армия.

В этот момент из дома снова донесся звук. На этот раз это был не голос. Это был резкий, протяжный скрип открываемой двери. Снег за дверью был взрыт, словно кто-то выбежал оттуда в спешке.

Верещагин и Евдокия замерли. Из тени дома медленно вышла фигура. Человек в тяжелом плаще, с капюшоном, скрывающим лицо. Он не шел — он словно скользил по снегу. В его руке что-то тускло блеснуло.

Человек остановился посреди просеки и, словно почувствовав чужое присутствие, медленно повернул голову в сторону, где прятались следователь и его помощница.

Верещагин затаил дыхание. Ему показалось, что мир сузился до этой одной точки, до этого человека в капюшоне. А затем незнакомец сделал нечто странное. Он не выхватил оружие. Он медленно поднял руку и указал длинным, костлявым пальцем прямо на них.

— Вы опоздали, — произнес он. Голос не был громким, но он прорезал тишину тайги, как лезвие. — Искать нужно было не золото. Нужно было искать правду.

В ту же секунду из леса со всех сторон раздался свист. Не птичий, не ветровй — это был свист летящих пуль.

— В укрытие! — закричала Евдокия, толкая Верещагина в сугроб.

Мир взорвался грохотом и вспышками. Снег вздымался фонтанами, щепки от деревьев летели в лицо, а крики, сливающиеся с воем ветра, заглушали все остальные звуки. Верещагин прижался к ледяной земле, чувствуя, как земля под ним дрожит от ударов.

Сквозь пелену снега и хаос он увидел, как фигура в капюшоне исчезает в дверях дома, а тени в можжевельнике приходят в движение, превращаясь в стремительные, смертоносные силуэты.

Он понял, что это не просто засада. Это была ловушка, расставленная специально для него. И теперь, когда первый выстрел прозвучал в этой лесной тишине, назад пути уже не было.

Евдокия схватила его за руку, ее пальцы были ледяными.

— Бежим к рудникам! — крикнула она сквозь грохот. — Только там можно спрятаться!

Они рванулись вперед, прочь от дома, вглубь непроглядной тьмы. Но Верещагин, спотыкаясь и задыхаясь, чувствовал, что они бегут не от пуль, а прямо в пасть к чему-то гораздо более страшному, что ждало их в недрах старых шахт. И это «что-то» уже знало их имена.

Глава 4. Старый прииск

Хруст наста под сапогами звучал в этой тишине как выстрелы. Воздух, пропитанный запахом морозной хвои и застоявшегося дыма, обжигал легкие, заставляя Верещагина дышать мелко и осторожно. После хаоса у дома, после свиста пуль, который всё еще звенел в ушах, эта мертвая, застывшая тишина казалась еще более угрожающей.

— Тише, — шепнула Евдокия. Она шла впереди, почти не касаясь земли, словно сама была частью этого зимнего пейзажа. Ее лыжи скользили по насту без единого звука, а взгляд постоянно сканировал темные провалы между стволами лиственниц. — Здесь след обрывается.

Верещагин поправил ремень тяжелого кобуры. Пальцы, онемевшие от холода, плохо слушались. Он чувствовал, как под меховой подкладкой пальто бешено колотится сердце — не от страха, а от того изматывающего напряжения, которое настигает человека, осознавшего, что охотник и жертва в этой тайге — одно и то же.

— Обрывается? — переспросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Они не могли раствориться в воздухе, Дуня.

— Не могли. Но они не шли по тропе. Они шли по камням и через бурелом. Видишь? — Она указала на едва заметную полосу примятого мха, скрытую под тонким слоем инея. — Они знали, где лес проглядывает.

Они шли около часа, пока лес не расступился, обнажая небольшую низину, зажатую между двумя скалистыми выступами. Здесь, в тени вековых елей, притаилось нечто, чего не должно было быть в этих глухих краях.

Это была стоянка. Не временный лагерь случайных путников, а место, обустроенное с пугающей, почти военной точностью. Несколько низких землянок, частично скрытых дерном и ветками, и кострище, засыпанное пеплом, которое, судя по всему, гасили совсем недавно.

Верещагин остановился, не решаясь сделать шаг вперед. Его петербургский ум, привыкший к ровным линиям навигационных карт и строгому порядку канцелярий, болезненно реагировал на этот беспорядок, в котором, однако, читался жесткий расчет.

— Здесь были люди, — констатировал он. — И они не спешили.

— Они ждали, — поправила Евдокия, приседая у края одной из землянок. — Ждали, когда стихнет буран или когда... когда придет кто-то другой.

Она потянулась к краю кострища и вытянула из-под пепла обгоревший кусок бересты. Верещагин подошел ближе, стараясь не дышать слишком громко. В этом месте пахло не только гарью, но и старым железом, кожей и чем-то еще — едва уловимым, горьким ароматом дешевого табака, который не встретишь в приличных домах Петербурга.

— Смотри, — она протянула ему обрывок. — Это не просто мусор.

Верещагин взял бересту. Она была сухой и ломкой. На ней, неровными, но уверенными мазками, были нанесены слова. Это не было похоже на записку, оставленную в спешке; скорее, на черновик, который бросили в полузабытьи.

Он прищурился, пытаясь разобрать размашистый почерк.

«...нельзя медлить. Если прииск узнает, что мы нашли не только слитки, но и документы, дело примет скверный оборот. Савва прав — старые долги не прощают. Если Громов не успеет дойти до границы, всё пойдет прахом. Нужно передать это Николаю...»

Верещагин почувствовал, как по спине пробежал холодок, и дело было вовсе не в сибирском морозе.

— Николай? — тихо произнес он. — Кто такой Николай?

— Не знаю, господин следователь, — Евдокия поднялась, озираясь по сторонам. — Но, кажется, это имя здесь не к добру. Посмотрите на их вещи.

Она указала на углубление в земле, где лежала небольшая походная сумка. Она была расстегнута, содержимое рассыпано: нож в кожаных ножнах, обрывок карты, пара патронов и... маленькая, почти детская деревянная фигурка лошадки.

Верещагин опустился на одно колено рядом с сумкой. Он не был вором, но годы службы научили его видеть детали, которые другие пропускали. Он заметил, что сумка не была обчищена. В ней лежало всё необходимое для выживания. Налетчики не уходили в спешке, спасаясь от погони. Они уходили, потому что их что-то отвлекло. Или потому, что они закончили свою часть дела.

— Они искали не золото, — пробормотал Верещагин, и эта мысль пугала его больше, чем пули в лесу. — Золото — это лишь то, что они забрали, чтобы скрыть истинную цель.

Он снова посмотрел на бересту. Имя «Николай» кольнуло его память, как заноза. Он начал лихорадочно перебирать в голове списки, которые изучал в архивах перед отправкой в этот край. Списки владельцев приисков, списки чиновников, списки отставных офицеров...

— Дуня, — он поднял на нее взгляд, и в его глазах она увидела ту самую сосредоточенность, которая делала его грозным противником в зале суда. — Здесь упоминается имя. И оно не случайное.

— О чем вы?

— В документах, которые я изучал в Петербурге... там была одна фамилия. Она всплывала в деле о конфискации земель тридцать лет назад. Дело, которое официально считалось закрытым из-за смерти основного свидетеля.

Верещагин замолчал, пытаясь соединить разрозненные фрагменты пазла.

— Николай... — он запнулся. — Николай Волков.

Евдокия нахмурилась.

— Волков? Это фамилия старого управляющего, который пропал без вести еще до того, как «Золотой ключ» стал прибыльным. Говорили, он сошел с ума и ушел в тайгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.